

ФРИДРИХ II И СРАЖЕНИЕ ПРИ КУНЕРСДОРФЕ

12 августа 1759 г. произошло знаменитое сражение близ деревни Кунерсдорф неподалеку от Франкфурта-на-Одере, в котором объединенные русско-австрийские войска нанесли сокрушительное поражение армии прусского короля Фридриха II. Союзникам открывалась дорога на Берлин, занятие которого могло бы решить исход кампании, а может быть, и всей Семилетней войны 1756–1763 гг.

Однако произошло, по определению прусского короля, "чудо Бранденбургского Дома". Главнокомандующие союзными армиями – русской – П.С. Салтыков и австрийской – Л.И. Даун не смогли согласовать свои действия: их войска двинулись в разных направлениях, но не на Берлин. Тем временем Фридрих II и его брат – командующий второй прусской армией принц Генрих быстрыми маневрами закрыли подступы к Берлину. Со стратегической точки зрения, сражение при Кунерсдорфе означало окончательный переход прусской стороны к обороне. Пруссия смогла направить все силы для того, чтобы спасти положение, хотя русские войска осенью 1760 г. и сумели войти в Берлин.

5 января 1762 г. случилось второе "чудо Бранденбургского Дома": смерть российской императрицы Елизаветы Петровны – ярого врага Фридриха II. Ее племянник Петр III, занявший российский престол, был поклонником прусского короля и его военной системы. Петр III немедленно заключил мир с Пруссией, что, возможно, спасло это королевство от полного разгрома. Однако и силы Австрии и Франции, воевавших с Пруссией, были истощены. Супруга Петра III Екатерина II, взойшедшая на российский престол в результате дворцового переворота, не стала вступать в войну. В 1764 г. Екатерина II заключила мирный договор с Фридрихом II.

Уже после Семилетней войны стратегические, политические, а для прусского короля и морально-психологические последствия сражения при Кунерсдорфе продолжали играть свою роль. Вопрос заключался также и в степени объективности взгляда на это сражение: точка зрения Фридриха II легла в основу прусского мифа о Кунерсдорфе.

Стратегия уничтожения противника, определявшая тактику "вечно воюющего" прусского короля, стала предметом дискуссий военных теоретиков конца XVIII–XIX веков. В этой связи К. фон Клаузевиц отмечал, что отчаянная атака, предпринятая армией Фридриха II в середине Кунерсдорфского сражения и приведшая пруссаков к поражению, была большой ошибкой, так как стала результатом "затаенной ярости", но не продуманной стратегии.

Одни прусские военные после Кунерсдорфа упрекали своего короля в том, что поражение прусской армии в этом сражении было результатом ошибочной тактики и недостаточно освоенного военного искусства. Другие – рассматривали Кунерсдорф

Ивонин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ.

Статья написана при финансовой поддержке Германского исследовательского сообщества (Deutsche Forschungsgemeinschaft), предоставившего автору стипендию для работы в Институте европейской истории (г. Майнц, ФРГ).

как проявление стремления Фридриха II идти на риск ради сохранения своего престола, а не как "битву на уничтожение"¹.

Недооценка прусским королем свойств местности и неправильная интерпретация им хода сражения привели его к поражению – так обычно утверждают зарубежные историки, не склонные учитывать силу противостоявшей Фридриху II русской армии.

Фридрих II был одним из последних в истории "королей-главнокомандующих". К тому же он был еще и фактическим министром иностранных дел, занимавшимся одновременно с военными операциями дипломатическими делами. Но "Великий Фриц" был еще и "королем-философом" – мудрецом на троне, о котором мечтали гуманисты Возрождения и деятели Просвещения; он умел извлекать уроки из поражений и ошибок, использовать в своих интересах разногласия между противниками².

В руководстве войсками на поле боя Фридрих II полностью брал ответственность на себя; в военном деле он показывал высокую компетентность, при этом часто рисковал. По мнению английского военного историка К. Даффи, победы Фридриха II, одержанные во время второй Силезской войны 1744–1745 гг., вряд ли могут быть зачтены прусскому королю в качестве заслуг: они были способом самоутверждения монарха как "короля-воина". Фридрих II соответствовал этому образу, в основе которого лежали представления дворянского сословия о чести, славе и воинской доблести. Как отмечает знаток истории Пруссии XVIII в. немецкий историк Й. Кунисш, философские и литературные амбиции Фридриха II дополняли образ "короля-воина". Основой политики короля Пруссии было вытекавшее из его мировоззрения стремление любыми средствами выдвинуть свою страну в ряд великих европейских держав. Эта политическая цель определяла военную стратегию и тактику – применение наступательных операций, широкое использование маневра и фактора внезапности, что было необычным для войн того времени. Ведению маневренных войн благоприятствовало сочетание государя и полководца в одном лице. Личное командование армией выгодно отличало Фридриха II от его противников – императриц и мастериц "кабинетных войн" – австрийской правительницы Марии Терезии и российской императрицы Елизаветы Петровны. На противников Фридриха II воздействовал образ смелого и предпримчивого прусского короля, принимавшего неожиданные смелые решения, менявшие ход битв и военных кампаний.

Однако не столько военные таланты Фридриха II, проявленные им в Семилетней войне, ставшей для Пруссии классической войной государственного строительства, сколько "чудо Бранденбургского Дома" помогло Пруссии войти в число великих европейских держав, таких как Австрия, Великобритания, Россия, Франция³.

Фридрих II широко использовал факторы военного искусства, которые позже были сформулированы Клаузевицем: "внезапность, преимущества, доставляемые местностью, и атака с нескольких сторон". Во время Семилетней войны "от местности не требовали никакой иной помощи, кроме наличия труднодоступного фронта (крутые скаты и пр.), когда тонкое построение и уязвимость флангов придавали боевому порядку такую слабость, что поневоле приходилось растягиваться от одной горы к другой, от чего зло еще более обострялось"⁴.

Как пишет Клаузевиц, Фридрих II был уверен, "что в своей армии – подвижной, мужественной, приученной к повиновению и точности, воодушевленной и приподнятой гордым сознанием своей силы, с привычным ей косым боевым порядком, он обладает орудием, которое в его твердой и смелой руке гораздо более пригодно для наступле-

ния, чем для обороны". Это "гордое сознание своей силы" являлось более ценным для прусского короля, чем использование естественных свойств местности и создание защитных сооружений. Однако, как пишет Клаузевиц, "не следует легкомысленно доверять одной видимости превосходства и из-за нее упускать действительные преимущества"⁵.

Прусская армия за годы двух Силезских войн 1740–1742 и 1744–1745 гг. не утратила своей боевой мощи и была в мирное время в целом подготовлена к новой войне. Но кампании и сражения между 1757 и 1759 гг. принесли ей значительные потери. Фридрих II был вынужден пойти на набор новых рекрутов и быстрое производство в офицеры людей, еще не имевших боевого опыта. В армию забирали крестьянских сыновей, увеличилось число иностранцев на военной службе. В первые три года войны погибло 33 генерала, среди которых были фельдмаршалы К. Шверин и Дж. Кейт, а также один из ближайших к королю военачальников Г. фон Винтерфельдт.

В русской и австрийской армиях, в отличие от прусской, положение главнокомандующих зависело от борьбы придворных группировок в Санкт-Петербурге и Вене за престолы в своих странах. Командующие могли быть лишены своих постов. Например, фельдмаршал С.Ф. Апраксин был отозван и предан суду за то, что после сражения при Гросс-Егерсдорфе 30 августа 1757 г. и победы русской армии над прусским войском под командованием фельдмаршала Г. фон Левальда отдал своим войскам приказ отступать. За это Апраксин был отдан под суд и умер в 1758 г. от апоплексического удара.

По стратегии того времени, выигранные сражения могли считаться успехом, достаточным для победы: полководцы не стремились решительно использовать их для полного уничтожения противника. Кровопролитное сражение при Цорндорфе 25 августа 1758 г. формально закончилось победой Фридриха II над русской армией под командованием генерала В.В. Фермора – победителем считался тот, кто после битвы оставался на поле боя. Но сражение показало стойкость русских: прусский король не решился более нападать.

После Гросс-Егерсдорфа Апраксин колебался, продолжать ли ему активные действия против прусских войск: до него доходили сведения о болезни Елизаветы Петровны и возможном восшествии на престол ее племянника Петра Федоровича, поклонника военной системы Фридриха II. После Цорндорфа нерешительность проявлял и Фермор, отличный военный инженер и заботливый начальник, но неуверенный в себе командир. Кроме того, без согласия конференции – высшего военного учреждения в Петербурге, созданного по подобию австрийского "гофкригсрата" (высшего придворного военного совета), русское командование не могло предпринимать решительных действий. Это делало русских полководцев излишне осторожными. Кроме того, в коалиционных войнах всегда присутствовал момент несогласованности действий союзных армий, что и использовал прусский король. Действуя летом 1759 г. в районе реки Одер, Фридрих II стремился не допустить соединения австрийских войск под командованием Дауна с русской армией Салтыкова. Но был еще один важный момент: прусский король уже летом 1759 г. вследствие истощения своих военных и финансовых ресурсов стал искать пути к заключению мира с державами коалиции, рассчитывая только на союз с Англией и стараясь в то же время препятствовать примирению Парижа и Лондона. Путь мирных переговоров, по мнению Фридриха, мог значительно улучшить положение Пруссии⁶.

Две наступательные операции в 1757 и 1758 гг. в Богемии завершились для Пруссии неудачно, а оборонительные действия оказались успешными. Расположение артилле-

¹ Rüdiger M. Kunersdorf 1759. Prestige-oder Vernichtungsschlacht? – Militärgeschichte, 1999, № 4, S. 79, 85.

² Ивоин Ю.Е. Фридрих II Гогенцоллерн и Иосиф II Габсбург. – Вопросы истории, 2003, № 10; Clark C. Preußen. Aufstieg und Niedergang 1600–1947. Berlin, 2007, S. 244, 246.

³ Duffy C. Friedrich der Grosse. Ein Soldatenleben. Zürich–Köln, 1986, S. 102; Kunisch J. Friedrich der Grosse. Der König und seine Zeit. München, 2005, S. 217–218, 220–224, 430–433, 438.

⁴ Клаузевиц К. О войне. М. – СПб, 2007, с. 390–391.

⁵ Там же, с. 580.

⁶ Коробков Н. Семилетняя война (действия России в 1756–1762 гг.). М. 1940, с. 44–45, 126–127, 142–143; Керсновский А.А. История русской армии. 1700–1881. Смоленск, 2004, с. 78–84; Schieder T. Friedrich der Grosse. Ein Königtum der Widersprüche. Berlin–München, 2002, S. 187–202.

рии в три линии делало оборонительные позиции недоступными для кавалерийских атак противника. Пруссский король рассчитывал, что, стремясь отвоевать Силезию, австрийские войска выйдут на равнину, открыв пруссакам возможности для перехода в наступление. Однако Даун действовал очень осторожно. Тогда Фридрих II попытался нанести удар по русским войскам в Новой Бранденбургской Марке. Под Цорндорфом у него это не получилось. Пруссский король решил взять реванш под Пальцигом-Кайем 23 июля 1759 г., где прусский корпус генерала К. Веделя потерпел поражение, что дало возможность русским войскам соединиться с австрийским корпусом генерала Г. Лаудона. Прямая дорога на Берлин была открыта. У Фридриха оставался один путь – наступление в отчаянной попытке нанести своим противникам поражение⁷.

Сражение при Кунерсдорфе подробно изучено в исторической и военной литературе. Одна из первых картин сражения (кроме описания, данного Фридрихом II, о чем пойдет речь позже), принадлежит перу немецкого историка конца XVIII – начала XIX вв. И.В. фон Архенгольца, участника Семилетней войны в составе прусской армии. В опубликованной впервые в 1788 г. и затем многократно переиздававшейся "Истории Семилетней войны" Архенгольц подробно представил ход сражения, используя современные ему документы и свидетельства участников. Историк писал о том, что поражение Веделя при Пальциге-Кайе дало возможность австрийской и русской армиям соединиться. Лаудон с корпусом в 18 тыс. чел. (по современным данным, которые приводит М. Рюдигер, 18 523 чел. с 54 орудиями) примкнул к русской армии, оставив позади 12 тыс. солдат во главе с генералом Гаддином. У Салтыкова было 43 300 пехотинцев, 4650 всадников регулярной кавалерии, 7200 казаков, а также 4650 артиллеристов. Всего – 59 800 бойцов, 201 полевое и 158 полковых орудий. Итого, по подсчетам Рюдигера, у союзников было 79 тыс. чел. и 423 орудия.

Архенгольц считал действия австрийских генералов образцовыми с точки зрения достижения главной цели, поскольку Гаддик отвлек прусский отряд генерала Финка, выдвинувшийся на защиту Лейпцига и Торгау. Фридрих же, занятый идеей не допустить соединения армий Салтыкова и Дауна, двинулся к Франкфурту-на-Одере, а его брат принц Генрих с 40-тысячной армией направился в Силезию для того, чтобы удерживать фронт против армии Дауна. Отряд Финка по приказу короля двинулся вслед за ним к Одере⁸.

Ситуация требовала от Фридриха решительных действий: у его противников было превосходство в людях и артиллерии, тогда как прусская армия на Одере насчитывала, по разным данным, от 40 тыс. до 48 тыс. чел. со 140 тяжелыми орудиями. Русская армия занимала высоты Кунерсдорфской гряды, протянувшейся на юго-запад от Кунерсдорфа до Франкфурта; ее правое крыло располагалось у Одера, а левое упиралось в болота и кустарники, перед фронтом тянулись глубокие овраги, на юго-востоке – заболоченная низменность. На левом фланге русских войск ближе к Кунерсдорфу находилась высота Шпицберг, которой было суждено сыграть решающую роль в сражении. Это была почти идеальная позиция для обороны, что не остановило Фридриха II, решившего, что иного выбора, кроме наступления, у него нет.

В ночь на 10 августа 1759 г. прусская армия по понтонному мосту переправилась южнее Кюстрина через Одер и произвела маневр вдоль правого берега реки. Во время рекогносцировки, проведенной не достаточно тщательно, Фридрих решил двинуть свои войска на восток, развернувшись затем в западном направлении, чтобы охватить восточный фланг противника. Но он не заметил или не оценил значение небольших прудов к югу от Кунерсдорфа: они могли затруднить продвижение наступающей прусской армии и облегчить положение обороняющейся стороны. Во всяком случае, зна-

менитая прусская косая атака на уязвимый фланг противника здесь могла не получиться вследствие необходимости совершить обходной маневр, что замедляло развитие наступления⁹.

Сражение происходило при жаркой погоде, особенно жарко стало после полудня. Из-за неточной рекогносцировки местности атака пруссаков задержалась. Им пришлось разворачивать тяжелые орудия. В ответ на огонь трех прусских батарей русские ответили громом ста орудий, находившихся на левом фланге. В ответ Фридрих предпринял отчаянную атаку гренадеров, которые под градом картечи, неся огромные потери, охватили левый фланг русских, заставив их отступить к Кунерсдорфскому кладбищу. Сражение, начавшееся в полдень, могло бы закончиться после захвата пруссаками 180 русских пушек и пленении нескольких тысяч солдат и офицеров противника. Пруссский король даже поспешил отправить в Берлин и Силезию курьеров с победными реляциями. Но битва еще не была закончена: русские войска еще удерживали правый фланг и центр, а австрийский корпус даже не был приведен в движение, сдерживаемый прусской кавалерией на правом фланге. Местность затрудняла действия прусской армии на этом фланге, тем временем русские перестроились и заняли удобные оборонительные позиции на узком участке, который не позволял пруссакам развернуть косую атаку. Корпус Лаудона начал движение после того, как пруссский король отозвал кавалерию генерала Ф. фон Зейдлица. Зейдлиц, точно оценивший положение дел, лишь после нескольких приказов Фридриха оставил свою позицию и, выполняя новый приказ короля, двинулся по тому же пути, который ранее проделала прусская пехота. Кавалерийская атака Зейдлица началась в 15 час. 30 мин. и была встречена ураганным огнем русской артиллерии, нанесшей значительный урон прусской коннице. Зейдлиц был вынужден отступить. Русские войска, неся огромные потери, в основном сохраняли свои позиции благодаря умелым действиям артиллерии, обрушившей на наступающих пруссаков град картечи.

Русские войска, используя болотистую местность, не давали противнику прорвать фронт. Боевые линии оборонявшихся на плоской равнине Кухгрудн пополнялись за счет подкреплений. Столкы между кавалеристами и пехотинцами превратились в беспорядочную кровавую бойню, которая могла продолжаться до наступления темноты, не принося победы ни той, ни другой стороне.

Фридрих считал, что сражение необходимо продолжать до полного уничтожения русской армии. Он был готов драться, несмотря на истощение своих войск и большие потери, о которых ему докладывали его генералы, в том числе и Зейдлиц. Намерение короля продолжать сражение укрепило мнение Веделя, проигравшего бой при Пальциге. Этот "ловкий придворный", как его назвал Архенгольц, сразу же согласился с Фридрихом, когда тот решился на последнюю, отчаянную атаку, приведшую в итоге к поражению пруссаков¹⁰.

Казалось, победа "короля-война" была уже близка – русские артиллеристы, опасаясь кавалерийской атаки принца Евгения Вюртембергского, оставили большую батарею на еврейском кладбище. Вдруг на пути прусских кавалеристов возник корпус Лаудона: австрийский генерал славился умением использовать решающий момент для атаки. Австрийцы повернули орудия против пруссаков и открыли огонь картечью. Лучшие воины Лаудона находились на обрывистой высоте Шпицберг. Штурм этой высоты в любой ситуации был бы делом рискованным. Уставшие от длительного перехода и сражения на жаре пруссаки под шквальным огнем противника пытались возо-

⁷ Дельбрюк Г. История военного искусства. Средневековье. Новое время. Смоленск, 2003, с. 560–561; Кони Ф. Фридрих Великий. Ростов-на-Дону, 1997, с. 372–373.

⁸ Архенгольц И.В. фон. История Семилетней войны. М., 2001, с. 206–207; Tempelhof G.F. von. Geschichte des Siebenjährigen Krieges in Deutschland, Bd. 1–6. Osnabrück, 1977; Rüdiger M. Op. cit., S. 80–81.

⁹ Архенгольц И.В. фон. Указ. соч., с. 208; Фрейзер Д. Фридрих Великий. М., 2003, с. 391–392; Rüdiger M. Op. cit., S. 81.

¹⁰ Архенгольц И.В. фон. Указ. соч., с. 208–210; Фрейзер Д. Указ. соч., с. 392–393; Rüdiger M. Op. cit., S. 82–83. Laubert M. Die Schlacht bei Kunersdorf nach dem Generalstabwerk. – Forschungen zur Brandenburgisch-Preussischen Geschichte, Bd. 25, 1912, S. 91–116.

браться по крутым склонам Шпицберга, но были отброшены оборонявшимися русскими и австрийцами.

Прусский король был ранен – жизнь ему спас находившийся в кармане мундира золотой портсигар, в который попала вражеская пуля. Под Фридрихом пали две лошади, но король не уходил с поля боя, намереваясь выиграть сражение. Атаки кавалерии Зейдлица, а после его ранения – принца Вюртембергского, также раненого, захлебнулись. Лаудон, прорвав фронт пруссаков, двинул свою кавалерию в контратаку. Пруссаки беспорядочно отступили, бросив 178 орудий. Потери пруссаков убитыми, ранеными и попавшими в плен составили 21 тыс. чел., из них – 564 офицера; австрийцы потеряли 2215 солдат и 116 офицеров, а русские – 13 615 солдат и 566 офицеров.

Командир эскадрона прусских гусар капитан Притвиц буквально спас своего короля, который мог попасть в плен к казакам. Фридрих стоял, безучастно глядя на поле битвы, скрестив руки на груди. Его шпага была воткнута в землю. "Я пропал, Притвиц!", – повторял потрясенный Фридрих. "Нет, Ваше Величество, пока мы дышим, мы не пропали!", – ответил верный гусар.

Оценивая сражение при Кунерсдорфе, военный историк Г. Дельбрюк писал, что неудача армии Фридриха произошла из-за того, что местность позволяла пруссакам атаковать "лишь на чрезвычайно узком пространстве", в результате чего русские "одержали верх своим численным превосходством". Клаузевиц, являвшийся поклонником военного искусства Фридриха II, дал Кунерсдорфу следующую оценку: "В сражении под Кунерсдорфом Фридрих Великий с первого же натиска захватил левое крыло русской позиции и взял 70 орудий, но к концу сражения и то и другое было утрачено, и весь результат первого боя был вычеркнут со счета. Если бы было возможно остановиться на первом успехе и отложить вторую часть боя до следующего дня, то, даже если бы Фридрих и проиграл это второе сражение, все же успехи первого могли бы уравновесить неуспех второго"¹¹.

В недавно опубликованной на немецком языке книге английского историка Д. Гуча (перевод издания 1950 г.) сражению при Кунерсдорфе уделяется всего одна страница, на которой в основном описаны личные переживания прусского короля после поражения в этой битве. В вышедшей первым изданием в 1983 г. и переизданной в 2002 г. книге немецкого историка Т. Шидера о самом сражении при Кунерсдорфе почти не говорится. Зато приводятся самооправдания прусского короля, объяснявшего свою поспешность, приведшую его к поражению, тем, что он хотел закрыть противнику путь на Берлин и спасти свое королевство. Историк анализирует высказывания Фридриха о превратностях судьбы "короля-главнокомандующего", рискующего жизнью на поле брани ради блага своего государства¹².

Й. Куниш, чья фундаментальная биография Фридриха II в 2004–2005 гг. вышла пятью изданиями, о сражении при Кунерсдорфе и кампании 1759 г. написал лишь четыре страницы. Рассматривая последствия этого сражения, историк подчеркивает, что главной ошибкой прусского короля было продолжение битвы с намерением разгромить русскую армию. Значительно больше места Куниш уделил проблеме усвоения Фридрихом уроков сражения, перед которым король недооценил силу противника¹³.

В вышедшей в свет в 1940 г. книге советского военного историка Н. Коробкова дается как серьезный военно-исторический анализ всей Семилетней войны (в первую очередь действий русских войск), так и сражения при Кунерсдорфе. Коробков опирается на исследование русского военного историка конца XIX в. Д.М. Масловского, но в ряде моментов, в частности, в описании сражения при Кунерсдорфе, дал собственную

¹¹ Архенгольц И.В. Фон. Указ. соч., с. 211–213; Фрейзер Д. Указ. соч., с. 393–394; Дельбрюк Г. Указ. соч., с. 562; Клаузевиц К. Указ. соч., с. 239.

¹² Gooch G. Friedrich der Grosse. Preußens legendärer König. München. 2006. S. 64; Schieder T. Op. cit., S. 348–350, 372.

¹³ Kunisch J. Op. cit., S. 402–413, 443–447.

оценку. Подчеркивая медлительность, а порой и нерешительность русских генералов, автор акцентировал внимание на достоинствах русских солдат и офицеров, заставивших Фридриха II уже после битвы при Цорндорфе начать менять свое ранее пренебрежительное мнение о России и ее воинах. Но, очевидно, до Кунерсдорфа у Фридриха еще сохранялась недооценка боевых качеств русских войск. Анализируя сражение при Кунерсдорфе с военной точки зрения, Коробков отмечал, что атака Зейдлица в случае ее частичного успеха "могла бы задержать русское наступление и дать возможность расстроенным прусским батальонам привести себя в порядок. Не исключалась и возможность захвата Шпицберга, оставленного частью полков, двинувшихся в наступление". Но эту атаку раненый Зейдлиц организовать не смог. Вторую кавалерийскую атаку пруссаков возглавил принц Вюртембергский. Коробков отмечал грамотные и решительные действия русской конницы, обрушившейся с правого фланга на пруссаков, а также пехоты и артиллерии. В то же время историк сделал замечание, что по русским архивным источникам невозможно "полно реконструировать" ход Кунерсдорфского сражения – это можно сделать только с помощью немецких источников. Характеризуя действия главнокомандующего русской армией Салтыкова, Коробков отметил его вклад в укрепление позиций своей армии, поскольку "победоносный исход боя имел для нее решающее значение, а поражение означало бы почти неизбежную гибель". Исследователь отмечает также распорядительность Салтыкова и удачное распределение им сил в соответствии с условиями местности и обстоятельствами хода сражения. Ошибкой Салтыкова и других русских генералов Коробков считал отсутствие решительного преследования неприятеля. Скорее всего, здесь сыграли роль усталость армии и, возможно, еще сохранявшаяся репутация Фридриха как мастера неожиданных ходов: рисковать своей армией Салтыков не желал. Что же касается прусского короля, то Коробков верно отметил его грубые ошибки, ставшие следствием недооценки русского солдата, в боеспособности которого Фридрих убедился "только ценой полного разгрома при Кунерсдорфе"¹⁴.

Краткое описание сражения при Кунерсдорфе, сделанное нашим современником Е.В. Анисимовым в биографии императрицы Елизаветы, дает читателям общее представление об этом сражении. Автор подчеркивает мужество русских солдат, а также ошибки Фридриха, нанесшего фланговый удар в узком месте, что не позволило использовать ему всю мощь пехоты и кавалерии. Анисимов приводит мрачную шутку Салтыкова, сказанную им после битвы: "Ежели мне еще такое же сражение выиграть, то принуждено мне будет одному с посошком в руках нести известие о том в Петербург"¹⁵.

Фридрих, еще не остывший от сражения, отправил гонцов с распоряжениями, содержавшими указания о мерах по защите столицы Пруссии. Ночь король провел на соломе в крестьянском доме в деревне Этшер, а на следующий день с остатками своей армии перебрался через Одер. Вскоре к Фридриху присоединился корпус генерала Вунша, на короткое время захвативший Франкфурт, затем из Померании прибыл 5-тысячный корпус генерала Клейста. Через несколько дней под ружьем у Фридриха уже была 33-тысячная армия, готовая защищать направление на Берлин. Победа герцога Фердинанда Брауншвейгского (брата королевы Елизаветы Христины, жены Фридриха II), действовавшего на ганноверском направлении, одержанная над французами при Миндене, не дала возможности французской армии соединиться с австрийцами.

В том, что союзники не двинулись на Берлин, проявилась не только нерешительность Салтыкова и несогласованность действий между ним и Дауном. Венский двор выражал недовольство действиями как Апраксина, так и Салтыкова, тогда как рус-

¹⁴ Масловский Д.М. Русская армия в Семилетнюю войну, вып. 1–3. М. 1886–1891; Коробков Н. Указ. соч., с. 230–241.

¹⁵ Анисимов Е. Елизавета Петровна. М., 2005, с. 368–371.

ские генералы были раздражены медлительностью и осторожностью Дауна. Армия Салтыкова переправилась через Одер и остановилась лагерем у Фюрстенвальде на полпути к Берлину, ожидая, когда австрийцы возьмут Дрезден. Между Салтыковым и Дауном велись длительные и бесплодные переговоры. Австрийский фельдмаршал предлагал совместно действовать в Силезии, которую жаждала отвоевать Мария Терезия. Салтыков же опасался оторваться от своих баз и коммуникаций в Польше и Восточной Пруссии, так как Даун не смог обеспечить провиантом австрийские и русские войска. Австрийского фельдмаршала, хотя он и предложил Салтыкову 10-тысячный корпус для похода на Берлин, больше беспокоили коммуникации на южном направлении и присутствие армии принца Генриха в Саксонии и Южной Силезии. Главное же заключалось в том, что, понеся крупные потери в 1759 г. (18 тыс. чел.), Салтыков не осмелился рисковать основными силами русской армии. В итоге момент для решительного развития успеха после Кунерсдорфа был упущен.

Хотя за победу при Кунерсдорфе Салтыкову было присвоено звание генерала-фельдмаршала, Санкт-Петербург был им недоволен. В середине 1760 г. Салтыкова заменили фельдмаршалом А.Б. Бутурлиным, который, впрочем, действовал так же нерешительно, как и его предшественник. Таким образом, ситуация для прусской армии перестала быть критической. У союзников же из-за людских потерь и проблем со снабжением произошла значительная дезорганизация. "Если кто-то из них проигрывал битву, кампания прекращалась, если выигрывал, продолжалась, и не более того", — заметил американский военный историк Ф. Прэтт¹⁶. Поэтому "чудо Бранденбургского Дома" не выглядит совершенно неожиданным.

28 августа 1759 г. русские войска, вместе с приданными им корпусами Лаудона и Хаддика, повернули на юг. Салтыков заявил, что русские уже достаточно пожертвовали для общей цели войны. Этот поворот Фридрих II и назвал "чудом Бранденбургского Дома", что стало своего рода лозунгом Семилетней войны. По существу, это был решающий момент в ходе войны: никогда ранее союзники не были так близки к цели, никогда ранее австрийская сторона не была так близка к осуществлению своего плана отвоевания Силезии. Но в силу названных объективных и субъективных факторов эти цели в 1759 г. не были осуществлены. Принц Генрих мешал продвижению войск Дауна на север, а маневры Дауна подтолкнули Салтыкова к решению начать обратное движение через Одер.

Фридрих II ожидал, что противники будут его преследовать, чтобы уничтожить прусскую армию, захватить Берлин и тем самым закончить войну. Этого требовал и австрийский "гофкригсрат". Но, как пишет Кунис, "в этом случае свидетельство Фридриха не является безусловно авторитетным". Повышенная эмоциональность Фридриха повлияла на оценку им своего спасения как результата неспособности и несогласия его противников. В дальнейшем Фридрих сравнивал поражение при Кунерсдорфе и свои дальнейшие шаги с судьбой шведского короля Карла XII в Северной войне, отметив, что этот король мог бы чаще бережливее относиться к человеческой крови¹⁷.

Смена настроений Фридриха II после поражения под Кунерсдорфом — от отчаяния и безысходности до принятия решительных мер по спасению положения — отражена в его письмах. Почти все письма были написаны Фридрихом, поклонником французской культуры, на французском языке. Сразу после сражения король карандашом написал записку государственному министру графу К.В. Финкенштейну: "Все пропало! Спасите королевскую семью! Прощайте навеки!". По прибытии в деревню Эгшер он написал Финкенштейну ставшие хрестоматийными строки: "Я несчастлив от того, что я еще жив. Из армии в 48 тыс. чел. у меня не остается и 3 тыс. Когда я говорю это, все

бежит, и у меня уже больше нет власти над этими людьми. В Берлине хорошо сделают, если подумают о собственной безопасности... Последствия дела будут еще хуже, чем оно само. У меня нет больше никаких средств, и, сказать правду, я считаю все потерянным". На следующий день Фридрих послал Финкенштейну приказ передать командование прусскими войсками принцу Генриху (правда, уже 16 августа 1759 г. Фридрих II вновь взял командование на себя). Днем позже он написал принцу Генриху о поражении, но это письмо было перехвачено¹⁸.

15 августа 1759 г. Фридрих думал, что опасность соединения войск Салтыкова и Дауна еще сохраняется. На следующий день он писал принцу Генриху: "Баталья была бы выиграна, если бы пехота не была разбита одним ударом. Принц Вюртембергский и Зейдлиц ранены, кавалерия исчезла с поля боя... Я считаю невозможным поддерживать шаткое государство... В тот момент, когда я Вам объявляю о нашем несчастье, все кажется безнадежным...опасность была настолько велика, но имейте в виду, что пока я могу смотреть, я буду считать своим долгом защищать государство". Письмо заканчивалось так: "Представьте себе, что в этом ужасном кризисе выдерживает моя душа, и Вы легко можете составить суждение о том, какие мучения испытывают осужденные. Счастливы мертвые!"¹⁹.

В тот же день Фридрих уже с некоторой надеждой написал Финкенштейну, что "наши дела в ужасном состоянии, но противник дает мне время. Может быть, я смогу воспользоваться его ошибками. Но я боюсь, что это только передышка... Случайность, как всегда, решает нашу судьбу. По мне, я готов убить себя, чтобы защитить Вас; это все, чем я могу вам служить... но я полагаю, не беря на себя роль пророка, что могу предвидеть события, и они отнюдь не радостные"²⁰. Одновременно Фридрих послал распоряжения двигать войска от Торгау и Виттенберга, а также армии герцога Августа-Вильгельма Брауншвейг-Беве́рского идти к Берлину. Младшему брату — принцу Фердинанду он написал о решимости своей и своих солдат умереть или победить. "Видит Бог, что каждый солдат думает также!", — воодушевлял Фридрих себя и своего брата. Король не жалел комплиментов принцу Вюртембергскому, Зейдлицу, Веделю и всем прусским участникам битвы. На следующий день король написал военному министру, что русская армия еще не перешла Одер, но, если она это сделает, сражение станет неизбежно. О своем намерении сражаться король сообщил Финкенштейну во втором письме, написанном в этот же день: "Может быть, случай будет за нас, и момент фортуны может возместить прошлое"²¹. Фридрих постепенно пришел в себя, вновь обретая волю к борьбе. Тем временем австрийский и русский главнокомандующие решали, что же делать дальше.

Через четыре месяца после сражения при Кунерсдорфе Фридрих II писал принцу Генриху, одобряя принятые им меры по снабжению армии и выражая надежду, что выпавший снег воспрепятствует продвижению австрийцев по Саксонии: "Необходимость больше, чем военный совет в Вене заставит их изменить игру. Нет ничего более простого, чем нетерпеливость в ситуации, в которой мы находимся, но ничего не остается, кроме терпения"²².

В тяжелую для него зиму 1759–1760 гг. Фридрих II проявил оперативность не только в военных, но и гражданских делах, контролируя деятельность правительства в обеспечении снабжения армии и сохранении административного порядка на незанятых противником прусских территориях²³.

¹⁸ Politische Correspondenz Friedrich des Grossen, Bd.18. Berlin, 1891, S. 481–483.

¹⁹ Ibid., S. 486, 488.

²⁰ Ibid., S. 488–489.

²¹ Ibid., S. 492–493.

²² Ibid., S. 696.

²³ Hubatsch W. Friedrich der Grosse und die preussische Verwaltung. Köln–Berlin, 1973, S. 112–113.

¹⁶ Архенгольц И.В. фон. Указ. соч., с. 213–218; Фрейзер Д. Указ. соч., с. 395–396; Анисимов Е. Указ. соч., с. 372; Rüdiger M. Op. cit., S. 83; Прэтт Ф. Битвы, изменившие историю. М., 2004, с. 213.

¹⁷ Kunisch J. Op. cit., S. 409–410; Дельбрюк Г. Указ. соч., с. 563–566.

В следующем году Фридрих II безуспешно осаждал Дрезден, тогда как австрийцы добились ряда успехов в Силезии. В 1761 г. прусский король был снова на грани поражения. Но произошло второе "чудо Бранденбургского Дома": 5 января 1762 г. умерла российская императрица Елизавета Петровна. Австрийцы, оказавшись без поддержки России, были вытеснены прусскими войсками из Силезии. Война шла к концу – Австрия была истощена не меньше, чем Пруссия.

На Фридриха II Семилетняя война оказала огромное впечатление. Когда 15 февраля 1763 г. война закончилась заключением в охотничьем замке саксонских курфюрстов Хубертусбург под Лейпцигом мира между Австрией, Пруссией и Саксонией и возвращением к довоенному статус-кво, Фридрих, возвращаясь в Берлин, сделал крюк и отправился на поле Кунерсдорфа. Он долго стоял на этом поле, предаваясь размышлениям.

После Семилетней войны в облике и характере Фридриха II произошли глубокие изменения, запечатленные на его послевоенных портретах. Тяготы и лишения войны, зрелище людских страданий, крови и смерти сделали свое дело. Фридрих больше не был круглолицым, жизнерадостным и полным сил – он состарился, стал сутулиться, лицо его покрылось морщинами, в его выражении появилось нечто отстраненное и циничное. Король стал менее общительным, хотя, как и прежде, находил утешение в музыке и литературе²⁴.

Потери Пруссии в Семилетней войне были велики, значительно уменьшилось население, дворянство как основной источник офицерских кадров было истощено, обеднели низшие социальные слои, многочисленные деревни превратились в золу и щебень, а города были разорены.

Фридрих II не отождествлял себя с государством, он был слугой отечества, готовым пожертвовать собой ради Пруссии и спасти родину от любой угрозы. В результате Семилетней войны, отмечает крупный немецкий историк Т. Шидер, Фридрих потерял наивность в политике. Римский император Марк Аврелий не был великим полководцем, но был философом-стоиком, у которого прусский король учился терпению и умению сносить жизненные невзгоды. Энтузиазм Фридриха, в свою бытность кронпринцем написавшего "Анти-Макиавелли", истощился. В 1761 г. Фридрих написал "Письмо о людской злобе", не упоминая имени великого итальянца, но явно намекая на него. В этом письме Фридрих пытался совместить неограниченную монархию с рационализмом культуры Просвещения, вместе с тем отмечая, что представления о том, что властители могут быть разумными, а люди счастливыми, не более чем видение, иллюзия, похожее на идеальное государство Платона. Под разумом он имел в виду, очевидно, государственный разум. Как видно, Фридрих Великий, да и не только он, не смог разрешить дилемму между государственной политикой и идеологией Просвещения, между сильным государством и одновременно царством философии и науки. Это уже было разочарование в возможности осуществления идеалов Просвещения²⁵.

В конце 1763 г. Фридрих II завершил написание "Истории Семилетней войны" на французском языке, которая была опубликована в следующем году. Несколько страниц этой книги он посвятил сражению при Кунерсдорфе. Король писал о больших потерях с обеих сторон, упомянул о неудачной атаке принца Вюртембергского и акцентировал внимание на том, что Лаудон опередил пруссаков всего на несколько минут, в результате чего пруссаки были вынуждены отступить. Король ни словом не обмолвился о своей ошибке. Зато он создал версию, которая потом долгое время сохранялась в трудах историков и военных теоретиков. Фридрих писал, что если бы русские войска воспользовались своим успехом и преследовали разгромленную прусскую армию, то "пруссакки были бы истреблены совершенно". Описывая тяжелое положение

своей армии, король отметил, что ситуация изменилась "в такую пользу, как того совсем не ожидали"²⁶. Призрак победы обернулся поражением.

Фридрих II подчеркивал, что "многие причины побуждали его предпочесть умеренные мирные условия другим – более выгодным". Здесь он немного лукавил, ибо тут же признавался, что войска были истощены, сократилось число умелых генералов, опытные офицеры были или убиты или ранены, а Пруссия в этой войне потеряла, по его подсчетам, 180 тыс. чел. Пруссский король завершил книгу словами, полными пафоса: "Дай Боже, чтобы непоколебимая и цветущая участь сего государства защитила управляющих им государей от всех бедствий и напастей, кои претерпевала Пруссия в сем времени смятений и замешательства; дабы не были они принуждены прибегнуть к жестоким и насильственным средствам для поддержания государства против ненависти и честолюбия европейских монархов, желавших уничтожить дом Бранденбургский, и истребить навсегда все то, что только имеет Пруссское имя!"²⁷.

События Семилетней войны, когда Пруссия дважды была на грани полного разгрома, произвели огромное впечатление на Фридриха II, предпочитавшего отныне вести "кабинетные войны", не рискуя судьбой своего королевства и изменить отношение к соседям, прежде всего к России.

Был еще один очень важный момент, на который обратил внимание Кунисш: гордость за Пруссию и возросший патриотизм, который в труде Архенгольца был во многом смешан с космополитическими представлениями эпохи Просвещения. Этот патриотизм во время освободительного движения в Германии в период наполеоновских войн был все же ограничен владениями Пруссии и протестантскими территориями Германии. В протестантских немецких землях долгое время культивировался образ короля, выступившего против военного альянса, центром которого был католический императорский Австрийский Дом. Лишь к концу XIX в. под влиянием малогерманской историографии, ставившей во главу угла решение проблемы создания германского государства под эгидой Пруссии, Семилетняя война стала рассматриваться как историческое событие эпохального значения и фактор национального достоинства²⁸.

Возвращаясь к оценкам Кунерсдорфа, данным генералами и офицерами из окружения принца Генриха, которые были "наблюдателями со стороны" то, по мнению Рюдигера, эти оценки можно свести к следующему: Фридрих II совершил ошибки, не проведя как следует рекогносцировку местности, не имея карт и не заметив болот и озер около Кунерсдорфа, как и вообще не оценив правильно характер и рельеф местности на кунерсдорфских лугах. Изменение диспозиции прусских войск имело фатальные последствия, поскольку дало возможность Салтыкову перегруппировать свои силы.

Но дело не только в этом: Фридрих, о чем писали как Клаузевиц, так и российские военные историки, недооценил силу русских войск. Была ли роковая атака Фридриха ставкой на уничтожение противника – большой вопрос. Можно еще раз повторить вслед за Клаузевицем и Рюдигером, что это была вспышка затаенной ярости. Сподвижники принца Генриха считали, что их командующий в оперативном отношении был лучше Фридриха – "король-главнокомандующий" имел недостатки в плане военного искусства, поскольку ведение войны сразу на нескольких фронтах со стратегической точки зрения было решением безответственным. Тем более, что король не ставил цели полного уничтожения противника. "Школа принца Генриха" и в дальнейшем упрекала Фридриха II за эти ошибки. Такие взгляды отразились и в трудах Клаузевица, давшего в целом амбивалентную оценку стратегии и тактики Фридриха и отмечавшего пагубные последствия применения косой атаки для прусских войск в 1806 г., когда они потерпели сокрушительные поражения от Наполеона.

²⁶ Повествование о Семилетней войне. Оставшиеся творения Фридриха Второго короля прусского. Том четвертый. СПб, 1790, с. 30–35.

²⁷ Там же, с. 320, 334, 339.

²⁸ Kunisch J. Op. cit., S. 440–441.

²⁴ Фрейзер Д. Указ. соч., с. 442.

²⁵ Kunisch J. Op. cit., S. 465; Schieder T. Op. cit., S. 123–126.

Надо, правда, отметить, что Клаузевиц бросил упрек сторонникам принца Генриха, написав, что его тактику "можно вполне оправдать следующим образом: принц Генрих знал своих противников – он знал, что ему нечего опасаться каких-либо решительных действий с их стороны... Если бы принц, раскинувши эту паутину, хоть раз потерпел измену счастья и понес большие потери, то следовало бы утверждать, что дело не в неправильной системе ведения войны, которой держался принц Генрих, а в том, что он допустил промах в своих мероприятиях и применил их в неподходящем случае". Во второй половине XIX в. под влиянием успеха во франко-прусской войне 1870–1871 гг. немецкие военные теоретики стали рассматривать стратегию Фридриха II как образец войны на уничтожение противника. Против такого подхода возражал Г. Дельбрюк, подчеркивавший разницу в стратегии XVIII и XIX вв., поскольку во времена Фридриха войска находились в большой зависимости от складов продовольствия и требовалось много времени для пополнения сил как после поражений, так и побед. Имеет смысл еще раз сослаться на Клаузевица, отмечавшего, что именно войны XIX в. отличались от предшествующего столетия боями не на жизнь, а на смерть, в которых, "по крайней мере, одна сторона ищет решения"²⁹.

Поражение при Кунерсдорфе и последующие события Семилетней войны повлияли не только на военную стратегию и отношение Фридриха II к войнам как средству укрепления государства, но и на его оценки европейской политики и ее участников, прежде всего Австрии и России. Эти оценки нашли отражение в его "Завещании" 1768 г., в котором чувствуются отголоски переживаний и страхов, которые прусский король испытал после сражения при Кунерсдорфе. "Завещания" германских государей раннего Нового времени были политическими документами особого рода, предназначенными для наследников, а не для широкой публики. В них их авторы могли не только обобщить свой политический и военный опыт, но и откровенно высказаться по наиболее острым политическим проблемам. "Завещание" Фридриха Великого не было исключением.

В разделе "Настоящее состояние интересов и отношений других дворов Европы" изложение мыслей прусского короля начинается с характеристики России, "обеспечившей перевес сил коалиции держав, на стороне которых она выступила". Фридрих II смог всесторонне, без прежнего пренебрежения оценить возможности Российской империи. Отмечая огромные размеры ее территории, Фридрих отмечал, что при росте числа ее жителей Россия может стать наиболее опасной силой в Европе: Россия может создать 340-тысячную армию в мирное время. Невысоко оценивая русскую регулярную кавалерию и пехоту, Фридрих восхищался боевыми качествами русской артиллерии и казаков, силу которых он ощутил на себе. Он настоятельно проводил мысль о том, что Россия извлекает пользу из ошибок Пруссии и становится силой, "которую будет впоследствии трудно ослабить", ибо конфликты с Австрией мешают создать прочный союз для сопротивления усилению России³⁰.

Размышляя далее о расстановке сил в Европе, Фридрих II назвал четыре великие силы, игравшие в то время первую роль "в театре превратностей, который мы называем миром": Англию, Францию, императорский двор (т.е. Вену. – Ю.И.) и российскую императрицу. Пруссию он тогда не включал в эту четверку – на то у него были свои причины. Отмечая союз между Веной и Парижем и изолированную позицию Англии, он видел противовес этому союзу в сближении Пруссии с Россией, которая влезла в польские дела "скорее из тщеславия, чем из честолюбия". Свое стремление заключить союз с Россией прусский король обосновывал тем, что Екатерина II, взойдя на престол, не разорвала ранее подписанный ее мужем особый мир с Пруссией, а также тем, что Пруссия нуждалась в мире для того, чтобы залечить раны, нанесенные войной. Далее следовали соображения Фридриха о необходимости союза с Россией,

несмотря на то, что Пруссии пришлось соглашаться на избрание польским королем ставленника Екатерины II – Станислава Августа Понятовского (Станислава II Августа). Фридрих писал, что после заключения Хубертусбургского мира "мы не могли заключить иного союза, кроме как с Россией", так как Англия предала Пруссию, Франция ей враждебна, более того, обе эти страны являются союзниками Австрии. "Наши постоянные интересы требуют продолжения связей с Россией", хотя несколько позже король посоветовал на то, что "русские требуют от своих союзников больше, чем те могут им дать". Фридрих пришел к выводу, что "лучше иметь Россию как союзника, а не как врага, потому что она может нам сделать много зла, на которое мы не сможем ответить"³¹. В опубликованной "Истории моего времени" Фридрих II был менее откровенен, объяснив причины сближения с Россией "взаимной нуждой"³².

Что же заставило Фридриха обстоятельно изложить свои суждения о России и важности сближения с восточной соседкой? Об этом размышляет немецкий историк Х. Духхардт: "Фридрих II обратил внимание на огромное противоречие между показным блеском русского императорского двора и типичными для России внутренними и внешними потрясениями, делавшими непредсказуемой ее внешнюю политику". В "Истории моего времени" прусский король высказывался о России по большей части критически, обращая внимание на непросвещенность и варварские обычаи этой страны и в то же время высоко оценивая ее военную мощь и боеспособность армии. Фридрих II в 70-е годы XVIII в. считал, что после 1763 г. Пруссия должна "проводить по отношению к России как к великой державе политику державы второго ранга". Курс на безусловное сближение с Россией Духхардт объясняет вошедшим в сознание Фридриха страхом перед Россией с ее огромной территорией.

Немецкий историк подчеркивает парадоксальность выводов Фридриха, который, вместо того, чтобы отстаивать тезис о необходимости союза с Россией, пугал Европу тем, что, если способствовать усилению России, это приведет Европу к гибели. Союз же с Россией он, очевидно, рассматривал как способ выживания Пруссии после Семилетней войны. По мнению Духхардта, опыт этой войны должен был бы ослабить страх Фридриха перед Россией, ибо тотального вторжения русских армий в Центральную Европу не было, поскольку руководство ими и тыловое обеспечение было в отвратительном состоянии. На это обстоятельство обратили внимание современные исследователи. Но дело было в другом: Фридрих II в "Политическом завещании" 1768 г. "предстает как человек, так и не оправившийся от нанесенной ему Россией психологической травмы", и страх его был, скорее всего, химерой, сотворенной его фантазией, конечно, не лишенной основания, но более актуальной в будущем, чем в настоящем. Духхардт считает, что в этих страхах Фридриха была определенная доля зависти прусского правителя к гигантским возможностям русских государей³³.

В важном для внешней политики Пруссии вопросе о контроле над Польшей, Фридрих оказался тесно связанным с Россией, в сфере влияния которой целиком оказалась Речь Посполитая. Только в союзе с Россией Пруссия могла препятствовать изменениям польской конституции и введению наследственной монархии. Кроме того, Фридрих опасался, что Россия может решить насущные для нее вопросы европейской политики в союзе с Австрией, что представляло большую опасность для Пруссии. За союз с Россией Фридрих II хотел большей доли для Пруссии в первом разделе Польши, инициатором переговоров о котором прусский король выступил в 1770 г. Первый раздел Польши 1772 г. соединил в одно целое бранденбургские и прусские владения

³¹ Ibid., S. 254–259.

³² История моего времени. – Оставшиеся творения Фридриха Второго короля прусского. Том пятый. СПб, 1790, с. XI.

³³ Духхардт Х. Россия в представлении Фридриха Великого. – Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М. 2002, с. 131–133; Kunisch J. Das Mirakel des Hauses Brandenburg. Studien zum Verhältnis von Kabinettspolitik und Kriegsführung im Zeitalter des Siebenjährigen Krieges. München–Wien, 1978.

²⁹ Rüdiger M. Op. cit., S. 84–86; Клаузевиц К. Указ. соч., с. 523, 569.

³⁰ Politische Testamente und andere Quellen zum Fußstapfenethos der Frühen Neuzeit. Darmstadt, 1987, S. 244–245.

Гогенцоллернов. Именно с этого времени можно говорить о вхождении Пруссии в ряд великих держав Европы.

Значение союза с Россией для Фридриха можно было свести к формуле: "Россия – держава, которая может оказаться наиболее опасной для Пруссии. Вместе с тем, она удерживает потенциальных агрессоров от того, чтобы предпринять что-либо против Пруссии". Как бы то ни было, заключает Духхардт, союз с Россией имел для Гогенцоллернов долговременное значение в их политике по объединению Германии под эгидой Пруссии. Со времени Фридриха II в Берлине ясно понимали, что нитями европейской политики стали управлять не в Париже, а в Санкт-Петербурге³⁴.

Мифы о сражении при Кунерсдорфе, как и легендарное "чудо Бранденбургского Дома", приводят к мифологизации образа Фридриха II. Современный немецкий историк К. Вигрефе пишет по этому поводу: "Мифы нуждаются в драматических героях... Если бы Фридрих II следовал совету своего отца никогда не начинать несправедливые войны, остался бы за ним титул Великого?". Уже Силезские войны были нарушением международного права, что было в те времена нередким явлением, но дело в том, что от "короля-философа" такой политики никто не ожидал, к тому же он сам не раз пытался сохранять видимость уважения к праву. Три войны, которые Фридрих вел за обладание Силезией, стоили Пруссии, по разным оценкам, от 300 до 500 тыс. жизней. Несмотря на то, что апологеты Фридриха пытались оправдать его авантурные замыслы, сам король был честнее, когда говорил, что это был его путь обретения славы и укрепления мощи государства. Ему это удалось: Фридрих стал Великим, хотя, как отмечает Вигрефе, вспоминая слова немецкого писателя XX в. Т. Манна, если бы Фридрих проиграл, то остался бы "ничтожнейшим авантюристом"³⁵. Фридриха II спасли два "чуда Бранденбургского Дома", которые были и правдой и мифом. Фридрих сам во многом и создал миф о Кунерсдорфе. Он же в этот миф и поверил.

³⁴ Духхардт Х. Указ. соч., с. 134–137; Kunisch J. Friedrich der Grosse, S. 481–483, 489–491; Duchhardt H. Balance of Power und Pentarchie. Internationale Beziehungen 1700–1785. Paderborn–München–Wien–Zürich, 1997, S. 381.

³⁵ Wiegrefe K. Staat mit Januskopf. – Spiegel Spezial Geschichte, 2007, № 3/21, Preussen. Der kriegsrische Reformstaat, S. 11.